

создаются не только независимо от ресурсной базы, но и в условиях ее отсутствия, и даже вопреки этому, казалось бы, тормозящему обстоятельству. А с другой стороны, имеются страны (к примеру, Нигерия) богатые природными ресурсами, но лишенные способности создать крупный бизнес. В российском варианте нацеленный на стратегию крупный бизнес во многом есть результат иной, чем в Украине, ментальности. И это, при отлаживании взаимодействия, может дать соответствующий импульс экономике Украины. Казалось бы Украина, с учетом ее большей частнособственнической продвинутости, должна по части бизнеса опережать Россию. Но дело в том, что в случае формирования именно крупного бизнеса срабатывает не столько частнособственнический (индивидуалистический) инстинкт, сколько феномен корпоративности, т.е. способности "сбиваться в стаи", а значит, склонности доверять друг другу. Как говорилось выше, именно этих черт украинцам недостает. У русских же они, похоже, в избытке; тут, вероятно, сказывается и общинная генетика россиян.

В. Будкин,

доктор экономических наук, профессор

ОДНА ИЗ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

XX ст. не смогло решить и оставило в наследство нынешнему веку ряд таких глобальных проблем, как экологическая, демографическая, энергетическо-сырьевая, бедности, а также и увеличивающегося неравенства в жизненном уровне различных стран, опасности агрессии и войны и др. Еще наработки Римского клуба в начале 70-х годов выделили такую их общую особенность, как планетарный характер отрицательного воздействия этих явлений на процессы мирового развития и необходимость противостоять им объединенными усилиями всего человечества. Каждая из этих проблем имеет стойкую тенденцию к обострению в направлении возникновения всемирной кризисной ситуации с определенным ее смягчением только относительно предотвращения возникновения Третьей мировой войны с использованием оружия массового поражения. Кроме того, всеобщая политическая, экономическая и идеологическая

ситуация в мире с ее противоречивостью и конфронтационностью не позволила ранее и отнюдь не способствует сейчас создать рациональный механизм не только преодоления, но даже весомого приторможения всех этих процессов обострения глобальных проблем современности.

В начале XXI в. на позиции одной из наиболее опасных среди этих проблем выдвигается такое явление, как терроризм глобального масштаба. События 11 сентября 2001 г. в США показали, что период латентного развития терроризма глобального типа закончился и он превращается в такой же мощный фактор угрозы поступательному развитию мирового сообщества, как и другие глобальные проблемы современности. При этом современный терроризм, в частности в его исламской окраске, имеет качественно совершенно иные, чем ранее, природу, побудительные мотивы, масштабы и возможное воздействие на геополитическую и геоэкономическую ситуацию в мире.

Прежние выявления терроризма можно было назвать глобальным явлением только с определенной натяжкой, лишь в силу того, что его разрозненные, не объединенные общим руководством и имеющие различную идеологическую базу проявления фиксировались во многих странах мира. Наиболее известные террористические организации (баскская ЭТА, военное крыло партии "Шин фейн", "Тигры Тамил Илама" в Шри-Ланке и др.) имели узко националистическую идеологическую базу, ограниченный регион своих операций и преследовали частную, строго региональную цель — отделение от того государства, в котором находится их национальная община. Поддержка их деятельности только такой общиной ограничивает людские и финансовые ресурсы "национального" терроризма, которые, однако, являются вполне достаточными для сохранения дееспособности таких группировок на протяжении многих десятилетий. Именно в силу недостаточности указанных выше ресурсов и узконационалистических целей все подобные группировки представляют собой локальные организации, не способные и даже не претендующие на превращение в явление более широкого, глобального масштаба.

Не могли выйти на такой уровень и террористические движения сугубо идеологического характера, типа "Роте Армее Фракцион" в ФРГ, мелких, но многочисленных маоистских

групп в Азии или Латинской Америке¹. Судьба подобных движений аналогична истории эсеровских боевиков в царской России — навязывание идей, заведомо чуждых мировосприятию и ментальности основной части граждан, превращало такие организации в изолированные от общества небольшие группки фанатиков-изгоев, в борьбе с которыми карательные органы могли опереться на поддержку политических партий и населения.

В прошлом некоторые черты интернационализации придавала террористической деятельности ее поддержка со стороны тех держав, которые стремились использовать террористические группировки в войне против государств-противников. Известны факты предоставления фашистской Германией в годы Второй мировой войны оружия и денежных средств ирландским террористам для их операций против Великобритании, а также попытки абвера создать такие же группы в Египте, Индии и Иране. В качестве ответной и более успешной операции можно назвать покушение на гитлеровского протектора Чехии и Моравии Р. Гейдриха, совершенное в 1942 г. чешскими парашютистами-агентами британских секретных служб. Тайные операции такого же рода являлись характерной составной частью "холодной войны" — можно напомнить хотя бы неоднократные покушения на Ф. Кастро, которые предпринимались ЦРУ США с помощью кубинских противников его режима. Подобная поддержка национальных террористических групп со стороны того или иного государства фактически представляла собой лишь использование им в своих целях иностранных агентов, их деятельность в организационном плане была близка или сводилась к обычным разведывательным операциям с присутствием им уровнем секретности, а, следовательно, и изолированности от массовой поддержки населением. Тем самым привнесение чуждых для страны проведения операций мотивов, естественная скрытность внешней поддержки террористических групп

¹ Несмотря на все достижения криминалистики, глобализация (и в частности массовое межстрановое передвижение людей с деловыми, туристскими, религиозными и иными целями) открывает широкие возможности для физического выживания носителей терроризма. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что только в январе 2004 года в Египте были арестованы участники "Красных бригад", скрывавшиеся более четверти века после убийства в 1978 году видного политического деятеля Италии А. Моро.

как исполнителей заданий иностранных спецслужб не позволяла подобной деятельности выйти за ограниченные, жестко контролируемые извне рамки. Объективных же предпосылок для превращения этого вида терроризма в самодостаточное и саморазвивающееся явление действительно глобального масштаба в таких условиях не существовало — этого не могли допустить сами государства-спонсоры такой террористической деятельности, которые имели достаточно рычагов ее ограничения только кругом достижения собственных целей.

В целом же в период многолетней конфронтации "советского" и западного блоков широкомасштабная государственная поддержка (в том числе не столько тайная, сколько завуалированная с молчаливого согласия обеих сторон) оказывалась на более высоком, чем террористические группы, уровне — тем массовым движениям, которые могли бы кардинально изменить политическую ситуацию в стране (наиболее яркие примеры — политика СССР в отношении американского присутствия во Вьетнаме в 70-е годы или помощь США моджахедам в их войне против советских войск в Афганистане в 70—80-е годы). По результатам афганской политики Вашингтона того времени напрашивается, кстати, весьма важный вывод общезначимого характера. Он сводится к тому, что решение тактических задач (в данном случае — по ограничению геополитического влияния СССР) на основе поддержки движений с иной ментальной (основные постулаты шариата прямо противоположны большинству ценностных установок "американского образа жизни") и идеологической (мусульманская или преимущественно христианская религия в каждой из этих двух стран) базой в стратегическом плане приводит к прямо противоположным результатам для государства-спонсора таких движений. Как выяснилось впоследствии, именно американские деньги послужили первичной финансовой основой становления Талибана, ячеек исламского экстремизма, которые позже стали базой для возникновения организации Усамы бен Ладена — ныне официально главного врага тех же США.

В последующем изложении речь пойдет о терроризме, который прикрывается исламской религией, хотя нельзя исключить появления его других интернациональных форм с иными целевыми установками и идеологической базой. Именно

терроризм, использующий отдельные постулаты мусульманского вероучения, в настоящее время наиболее полно проявил отличительные черты явления глобального масштаба, с широким диапазоном своего действия и рядом новых черт воздействия на обострение кризисной ситуации в современном миропорядке.

Деятельность организации под руководством Усамы бен Ладена демонстрирует целый ряд качественных особенностей современного терроризма, которые придают ему характер угрозы глобального порядка. Прежде всего, обращает на себя внимание действительно интернациональный характер такой деятельности как относительно стран операций экстремистов, так и "хинтерланда" — тыловых позиций поддержки этой организации. Расследование событий 11 сентября 2001 г. показало, что хотя удар был сориентирован на США, его подготовка проходила в Афганистане, ФРГ и других странах мира. Такие же террористические акты за последние три года были проведены или предотвращены в России, Испании, Великобритании, даже в Турции, Иордании и Саудовской Аравии с ее ортодоксальными исламскими устоями и в ряде других государств трех континентов Земли, которые вынуждены предпринимать беспрецедентные меры безопасности против угрозы нападения "Аль-Каиды" и других подобных группировок. С другой стороны, реакция большинства населения арабских государств и мусульманской диаспоры в неисламских странах на всю цепь событий от "черного вторника" 2001 г. в США до современных потерь американских войск и их союзников в Ираке и Афганистане показала, что "бойцы за веру" могут рассчитывать на широкую моральную (следовательно — и кадровую, и финансовую, и идеологическую) поддержку во всем исламском мире. Предельно жесткая позиция администрации Дж. Буша-младшего, проявившаяся по отношению к режимам талибов в Афганистане и С. Хусейна в Ираке, к силам суннитского и шиитского сопротивления оккупации в этой стране, к Сирии и другим заподозренным в симпатиях к террористам странам, удерживает руководство ряда исламских государств от неприкрытой поддержки "Аль-Каиды" и близких к ней террористических организаций. Незаметно, однако, чтобы во многих из этих стран реально велась активная борьба по ликвидации их тыловых позиций,

хотя бы на уровне официальных заявлений о необходимости устранить присутствие баз террористов на своей территории.

Практически всемирный характер деятельности мусульманских экстремистов — от США до Чечни и от Филиппин до Европы, масштабность ее последствий, массовость прямого и косвенного участия в ней представителей различных стран и социальных слоев населения выделяет эту форму терроризма среди указанных выше его проявлений на локально-национальном уровне. Такие отличия связаны с целым рядом факторов, которые не характерны для ирландских, баскских и других подобных сепаратистских движений.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что эта разновидность терроризма в качестве своих идеологических основ пытается использовать одну из наиболее распространенных в мире религий, т.е. выступает в качестве движения интернационально идеологического толка. Тем самым в отличие от национально-избирательной ограниченности деятельности сепаратистов мусульманский терроризм выступает как явление межнационального характера, что позволяет расширить базу привлечения прямых участников, активных сторонников и массы сочувствующих из многих стран не только мусульманского, но и остального мира. Даже в самом руководстве "Аль-Каиды", кроме выходца из Саудовской Аравии бен Ладена, представлены также египтяне, афганцы, пакистанцы, узбеки и другие национальности.

Всемирная опасность терроризма исламского толка и многие черты особой сложности борьбы с ним связаны именно с опорой его на религиозно-идеологические постулаты, широко представленные и имеющие тенденцию к дальнейшему распространению в мире. В настоящее время, как это уже признано, возникли условия для расширения влияния мусульманского вероучения, что и стремятся использовать экстремистские организации в своих целях. При этом среди них все более весомыми становятся позиции сторонников глобальной экспансии ислама, а не его упрочения на локальном уровне или расширения мирными средствами. Характерно в этой связи различие в подходах к "исламскому ренессансу" бен Ладена и руководителя движения талибов муллы Омара. Как отмечают западные исследователи, талибы не считали возможным

расширить поле деятельности за пределы Афганистана и не приветствовали глобальные устремления "Аль-Каиды"¹.

Применительно к идеологической стороне рассматриваемого явления необходимо обратить внимание на более широкий аспект проблемы современных позиций ислама. В связи с утратой притягательности идей мирового коммунизма и исчерпанием еще раньше активно-наступательной политики христианства к концу минувшего столетия возникли определенные "свободные" сектора во всемирном идеологическом пространстве, которые лишь частично смогли занять буддизм и различные новые вероучения типа сайентологии и др. Вместе с тем исключительно мощные геополитические и геоэкономические позиции США после Второй мировой войны и особенно после распада СССР и всего "советского блока", идущие от этой страны импульсы к объективным процессам глобализации, отработанные в период "холодной войны" методы пропаганды "американского образа жизни" привели к восприятию его стандартов частью населения многих стран мира, что превратило «американизм» в своеобразную идеологию всемирного значения. В то же время навязывание США идей "Пакс американа", противопоставление "американизма" национальной самобытности, наконец, имманентные мировосприятию "по-американски" элементы аморальности и агрессивного индивидуализма вызвали резкое неприятие этой идеологии в мире, поиски альтернативных идеологических моделей.

В этих условиях ислам с его принципиально иными поведенческими, моральными и мировоззренческими постулатами получил возможность не только своего выхода за пределы традиционно мусульманского региона, но и занять позицию наиболее активного и массового идеологического движения планетарного масштаба, альтернативного другим религиям, "американизму" и т.д. Свидетельством этому является, в частности, не только увеличение в Европе и Америке числа иммигрантов-мусульман, но и принятие ислама многими афроамериканцами в США (более 1 млн чел.), лицами французской, русской и других национальностей.

¹ В этой связи Оливье Рой из Национального центра научных исследований в Париже указывал, что "интернационализм (бен Ладена) победил национализм (муллы Омара)". Olivier Roy, Directeur de Recherche. — Centre National de la Recherche Scientifique. — Paris. Kriegsziel erreicht, Internationale Politik. — 2001, №12. — S. 59.

Однако терроризм мусульманской окраски не удовлетворяется таким эволюционным и мирным распространением вероучения Корана. Вместо использования альтернативной притягательности его постулатов "Аль-Каида", "Братья мусульмане", "Джихад ислами" в Египте, "Салафия Джихадия" в Марокко и другие подобные организации ориентируются на жестко конфронтационные догматы, привлекая к себе сторонников теми избирательно воинственными положениями этой религии, которые в VII—IX веках обеспечили распространение ислама от Пиринеев до Тянь-Шаня и от Черной Африки до Индонезии и Филиппин.

Исламские экстремистские организации — от сторонников бен Ладена до чеченских террористов — в практике своей деятельности опираются на наработки ваххабитских и других позднейших толкователей Корана, в частности в отношении трактовки шахидов-мусульман, погибших насильственной смертью. Пропаганда особой почетности отдать жизнь в борьбе с "неверными" с гарантией непосредственного попадания в рай без предварительной оценки грехов в чистилище дает возможность широкого использования шахидов в террористических операциях. Разработано даже двухтомное издание правил их поведения в "священной войне" с кяфирами — "Аль джихад аль кьитал". Российские специалисты по антитеррору, кстати, обратили внимание на то, что значительная часть акций чеченских боевиков (взрывы дома правительства Чечни 27 декабря 2002 г., военного госпиталя в Моздоке 1 августа 2003 г., в московском метро 6 февраля 2004 г. и др.) приходится на пятницу — священный день мусульман, когда смертникам "гарантированы" наилучшие условия перехода в райские чертоги.

Тезис Усамы бен Ладена о распространении джихада на население тех государств, правительства которых выступает против или даже просто не поддерживает его методы распространения ислама, оправдывает проведение террористических операций не только в странах с преобладанием других религий, но и их осуществление на территории самих мусульманских стран. Свидетельством практического осуществления этого тезиса стали террористические акции последнего времени в Турции, Пакистане, Иордании и особенно в Ираке, где гибнут не столько солдаты оккупационных войск, сколько мирные граждане-мусульмане. Даже правительство центра мусульманских

святынь — Саудовской Аравии вынуждено в период хаджа — массового паломничества верующих из всех стран мира вводить особый режим безопасности в связи с угрозой нападения боевиков-единоверцев из экстремистских организаций.

Последнее позволяет отметить весьма характерную особенность истинной природы рассматриваемого вида терроризма. Будучи движением идеологического толка, исламский терроризм использует эту идеологическую оболочку в качестве прикрытия своих более важных, реально доминирующих задач политического характера. Фактически целью "Аль-Каиды" и примыкающих к ней группировок является изменение политического режима во многих мусульманских странах под предлогом их капитуляции перед "неверными", а также завоевание воинствующим исламом новых государств по аналогии с его экспансией тысячелетней давности. Тем самым мусульманский терроризм представляет собой не только идеологическое, но и политическое явление глобального масштаба, что также отличает его от других мировых религиозно-идеологических течений современности.

Немаловажное значение в определении особой опасности рассматриваемого вида терроризма для судеб человечества имеют и другие его отличительные черты. Так по сравнению с террористами националистического направления (сепаратисты Кашмира, ЭТА и др.), исламский терроризм может опереться на массовую базу своих активных и пассивных приверженцев практически во всех странах мира. В последнюю четверть XX ст. в результате интенсификации миграционных процессов в экономически развитых странах Европы и Северной Америки сформировались большие мусульманские общины как следствие краха колониальной системы (на базе "моральных обязательств" стран-метрополий, особенно Франции и Великобритании, по эвакуации чиновников колониальной администрации из представителей местного населения, компрадорской буржуазии и т.д.), массового привлечения иностранной рабочей силы (турецкие и иные гастарбайтеры в ФРГ) или развития экономической миграции (США, Канада). В ФРГ, например, число иностранцев за последние пятьдесят лет возросло более чем в десять раз и составило в 2001 году 5,6 млн чел., или 6,8% от общего количества граждан страны, причем основная часть этого прироста была обеспечена именно за счет выходцев из

мусульманских государств¹. Общее количество работающих мусульман в этой стране колеблется в пределах 500—600 тыс., причем они сосредоточены в основном в сфере газового хозяйства, строительства и коммунального хозяйства². Многомиллионная — от 1,5 до 4 млн — мусульманская диаспора насчитывается в Великобритании, Франции, США и других неисламских странах северных полушарий. Даже в Латинской Америке такая диаспора насчитывает около 5 млн чел., в том числе в Бразилии — не менее 1,8 млн, в Аргентине — 555 тыс., в Панаме — 225 тыс. и т.д.³ Характерным для мусульманской диаспоры является ее сосредоточение в отдельных регионах каждой из стран нынешнего пребывания — например, во Франции более трети арабского населения проживает в районе Марселя. При этом количество иностранцев (гастарбайтеров и иммигрантов) во всех этих странах по оценкам будет возрастать и в дальнейшем (в ФРГ по прогнозам — на 700 тыс., или почти на 13% за 2000—2010 гг.), в том числе в значительной мере и за счет увеличения мусульманской диаспоры⁴.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о наличии в немусульманских странах массовых исламских общин, а также высоком уровне их концентрации в территориальном и профессиональном разрезе. Тем самым к настоящему времени в значительной степени потерян эффект их интеграции с автохтонным населением, сами эти общины приобрели "геттообразную" форму, где превалируют отличные от основной части граждан идеалы мировосприятия, культурные ценности и поведенческие стереотипы. Для той же ФРГ, например, характерен повышенный (вдвое больший сравнительно с долей мусульман в населении страны) удельный вес занятых в сферах образования и здравоохранения, что связано с отвлечением значительной части специалистов этих сфер на самообеспечение потребностей мусульманской общины⁵.

¹ *Rueckert W.* Bevoelkerungsentwicklung und Altenhilfe. — Koeln, 2003. — KDA forum, №18. — S. 17.

² *Deutschland in Zahlen.* — 2003. — Institut der deutschen Wirtschaft. Koeln, 2003. — S. 115.

³ *Международная жизнь.* — 2003. — №6. — С. 130.

⁴ *Deutschland in globalen Wettbewerb.* — Koeln. IDW. — Berlin. Deutsche Institut Verlag. — 2003. — S. 72.

⁵ *Deutschland in Zahlen.* — S. 115.

Территориальная, профессиональная и ментальная замкнутость таких общин, более низкий жизненный уровень их обитателей, проявления ксенофобии по отношению к ним — все это создает благоприятную почву для эмиссаров "Аль-Каиды" и других подобных организаций. И отнюдь не случайным является тот факт, что большинство напавших на Всемирный торговый центр и Пентагон пилотов-смертников длительное время проживали и были завербованы именно в Германии. Примечателен и судебный процесс во Франции 2004 г. против мусульманского священнослужителя из Лиона, который собирал деньги и вербовал боевиков для войны в Чечне. И как результат — несмотря на многократную активизацию анти-террористической деятельности спецслужб во всем мире после 11 сентября 2001 г. их усилия не привели к полной ликвидации влияния террористов на мусульманские общины различных стран, в том числе в Европе и Северной Америке.

По некоторым данным, общие затраты бен Ладена на подготовку и проведение атаки на США в 2001 г. составили около 500 тыс. дол. Еще большими являются расходы на содержание многочисленных баз террористов, на поддержку боевиков в Палестине, Чечне, Индонезии и других странах, на военные действия против оккупационных сил в Афганистане и в особо крупных размерах — в Ираке, на широкомасштабную пропаганду во всем мире. Все это свидетельствует об огромных финансовых возможностях, которыми обладают организаторы таких акций. "Аль-Каида", палестинский Хамаз и другие подобные организации используют более обширные источники пополнения своих денежных средств сравнительно с Шин Фейн и подобными. сепаратистскими группировками. Кроме массовых пожертвований населения мусульманских стран и диаспоры, их тайно финансируют некоторые разбогатевшие на экспорте нефти шейхи, крупные арабские бизнесмены и другие сторонники экспансии ислама в мире. Вероятно, финансовые возможности "Аль-Каиды" сопоставимы с доходами международной наркомафии с тем, однако, отличием, что последняя занимается суто "коммерческой" деятельностью, отнюдь не претендуя на идеологическую или геополитическую значимость своих операций.

Обладая огромными средствами, исламские террористические организации способны подпитывать массовое участие

фанатиков в своей деятельности, проводить в Америке и Европе крупномасштабные акции, финансировать долговременные боевые действия в Палестине, Афганистане и Ираке. В России все крупные операции чеченских боевиков (нападение на Буденновск, взрывы домов в Москве, Буйнакске, Волгодонске, трагедия "Норд-Оста" и др.) также проводились после получения ими крупных сумм из-за границы.

Мировые спецслужбы обратили внимание на обладание исламскими террористами возможностью накопления и переброски в разные страны значительных денежных средств. Их расследования показали, что финансовые операции группировки бен Ладена базируются на гибком и трудно раскрываемом сочетании новейших методов трансакции валюты через десятки банков с использованием передовых банковских технологий и оффшора с одной стороны, и тайного доверительного обмена поручениями по выплате денег между посредниками на основе мусульманских обычаев — без физического или виртуального перемещения этих средств через границы с другой.

Вообще, деятельность сети террористических организаций мусульманского толка базируется на своеобразном симбиозе как средневековых догматов и исламских традиций, так и широкого применения достижений современной НТР и глобализации. Так при проведении акций они используют не только самодельные взрывные устройства, но и новейшие средства транспорта, электронную технику, последние достижения в области вооружений и т.п. Это же касается и массивированной пропаганды, которая наряду с традиционными проповедями в мечетях обеспечивается привлечением возможностей всемирных масс-медиа.

Как показал прошлый опыт противодействия террористическим организациям, борьба с ними затрудняется из-за использования этими фанатиками "дисперсной", партизанской тактики. Ее применение организациями "Аль-Акса", "Аль-Каида", ваххабитами, различными быстро меняющими свое название экстремистскими группировками свидетельствует о том, что в противодействии им необходимо ориентироваться на мероприятия длительного характера, а не рассчитывать на успех массивированной и ограниченной во времени военной операции, как это предусматривали американские планы в отношении

Афганистана и Ирака¹. Устранение власти талибов или Саддама Хусейна означало, как оказалось, лишь перенесение противостояния с четко обозначенного государственного на менее уловимый, однако и более эластично-устойчивый уровень широкого народного противодействия политике США в этих странах. Отсутствие жесткой привязанности к какому-либо государству, специфическая экстерриториальность организаций исламских экстремистов создали базу для их долгосрочного выживания. В случае необходимости они могут без особого ущерба перенести свои руководящие центры в другие страны, причем использование современных средств коммуникаций вообще позволяет координировать их совместную деятельность из различных локальных организационных ячеек.

Превращение терроризма с мусульманской окраской в одну из глобальных проблем современности подтверждается также усилением его влияния на геоэкономические и геополитические процессы последнего времени. При этом речь идет даже не о прямом многомиллиардном ущербе от террористических актов — от разрушения Всемирного торгового центра в США, жилых зданий в России, мадридского вокзала Аточа и т.д. К этому необходимо добавить, например, последовавшее за событиями 11 сентября 2001 г. бегство арабского капитала из США, падение курсов акций на американских биржах, что сказалось, правда, краткосрочно на устойчивости всей мировой биржевой системы. Косвенно, но все же весомо потенциальные угрозы со стороны "Аль-Каиды" повлияли, по нашему мнению, и на почти трехлетнее падение курса одной из основных мировых валют — доллара по отношению к другим валютам, приостановленное только в первом квартале 2004 г. Учитывая доминантную роль США в геоэкономических процессах, наличие постоянной угрозы для этого главного объекта акций мусульманских боевиков не может не оказывать отрицательно-го воздействия на всю мировую хозяйственную конъюнктуру.

¹ Критическое отношение к сугубо военным акциям против терроризма резко усилились в американском обществе особенно в последнее время, прежде всего под влиянием роста потерь оккупационных войск в Ираке. Следует, однако, указать, что и сразу же после 11 сентября 2001 г. подобные оценки невозможности победить его исключительно за счет вооруженного вторжения неоднократно высказывались в средствах массовой информации США. См., например, Michael Howard. *Whats in a Name? How to Fight Terrorism*. Foreign Affairs. — January—February, 2002.

Подобные угрозы уже сказались на многих секторах мировой экономики, в том числе на туризме (в ряде арабских стран), а особенно на пассажирских перевозках (внутри США и на трансатлантических рейсах). Повышенную опасность, а следовательно и неизбежность дополнительных расходов по защите представляет специфически уязвимая высококонцентрированная инфраструктура развитых государств (трубопроводы, АЭС, плотины и т.п.), а также отсутствие автономного жизнеобеспечения жилого фонда крупнейших городских агломераций Северной Америки и Европы. Средства на охрану от террористических акций таких объектов, бизнесменов и правительственных чиновников, а также на увеличение спецслужб и контингентов по операциям в "проблемных" странах, на оказание их населению ранее не требовавшейся гуманитарной помощи являются прямым вычетом из общих ресурсов активизации мировой экономической конъюнктуры.

Не менее весомым является влияние терроризма мусульманского толка на современные геополитические процессы, хотя это проявляется не прямо, а как результат совокупности сложных взаимоотношений с исламским миром. Именно необходимость учета внутренних (обширная мусульманская диаспора) и внешних (прежде всего, зависимость от поставок нефти с Ближнего Востока) аспектов возрастания значимости "исламского фактора" для Франции и ФРГ стала, очевидно, предпосылкой особой позиции президента Ж. Ширака и канцлера Г. Шредера по отношению к "техасским" рецептам устранения диктаторского режима в Ираке. Переоценка геополитических последствий вторжения в эту страну происходит и в самих США, что проявилось в апреле 2004 г. при расследовании законодателями причин подобного решения администрации Дж. Буша-младшего. Но наиболее ярким примером кардинального изменения геополитического курса являются события в Испании, где "Аль-Каида" подчеркнуто связала террористический акт 11 марта 2004 г. с политикой правительства Х. Аснара по активной поддержке американской оккупации Ирака. Последующие парламентские выборы, как известно, привели к власти противников такого курса. Новый премьер-министр Х. Сапатеро отдал приказ об отзыве испанского контингента из состава оккупационных войск, что стало примером и для ряда других участников иракской кампании.

Опыт последних лет показывает необходимость использования не отдельных акций, а многопланового и в то же время взвешенного комплекса мер по искоренению терроризма исламского образца. Противодействие этому экстремистскому движению идеологической окраски требует первостепенного внимания к идеологическому обоснованию борьбы с ним, причем не на базе «американизма», а на более широкой основе защиты ценностей общечеловеческого значения. В этом отношении помимо соответствующих акций ООН, других международных организаций и общественных движений огромную роль могли бы сыграть объединенные выступления ведущих конфессий мира, включая представителей умеренного и реалистически оценивающего ситуацию мусульманского духовенства. Нельзя обойтись и без развертывания широкой пропагандистской кампании, которую пока выигрывает "Аль-Каида" в сотрудничестве с другими подобными террористическими организациями и при не взвешенном участии в ней даже враждебных экстремизму, но ориентирующихся на сенсации крупнейших информационных агентств Европы и Америки. Тем самым резко возрастает популярность таких организаций (даже притягательность использования ими смертников-шахидов) в мусульманском мире. И одновременно нарастает отрицательное психологическое давление на население неисламских стран, особенно тех, где вследствие участия их контингентов в иракской кампании наиболее реальны новые акции боевиков. Конечно, восстановление разгромленных к 1492 г. халифатов в Испании, как это провозгласил в октябре 2003 г. бен Ладен, является не более чем пропагандистской химерой, но смена под прикрытием подобных призывов современных политических режимов во многих мусульманских странах более активными сторонниками безграничной экспансии ислама (а фактически — приход к власти близких к "Аль-Каиде" экстремистов) представляется весьма реальной. Опасность такого развития событий пока еще недостаточно оценена как лидерами отдельных исламских государств, так и в целом в рамках Лиги арабских стран.

Учитывая обязательность наличия у этих террористических организаций мощной, но в то же время иллегальной финансовой базы, нельзя обойтись без усиления контроля за всемирным движением "грязных" денег, тем более, что это параллельно

ударит и по наркобизнесу, мафии и другим представителям преступного мира.

Терроризм исламской окраски превратился во всемирное явление, а глобализация его деятельности в последнее время возрастает вследствие усиления координации между отдельными звеньями. Это ведет к необходимости более активной, последовательной и также скоординированной борьбы с экстремистскими организациями. Нельзя сказать, что в последние годы мировым сообществом не были приняты определенные меры по ее усилению. Уже 12 сентября 2001 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию №1368, где нападение на США характеризовалось как угроза международному миру и подтверждалось "неотъемлемое право на самооборону, признанное в Уставе ООН". В тот же день Совет НАТО расценил нападение "Аль-Каиды" как предпосылку применения впервые имеющейся в Вашингтонском договоре 1949 г. ст. 5-й о коллективной самообороне, если вооруженному нападению подвергнется один из членов Альянса. В октябре 2003 г. была предана гласности "Военная концепция НАТО по защите от терроризма", наметившая широкую программу антитеррористической деятельности, включая чисто военную, пропагандистскую, организационную и другие сферы. Весьма важно, что НАТО намерено осуществлять эту деятельность в сотрудничестве со многими международными организациями, включая Европейский Союз, а также используя соглашения о "Партнерстве ради мира", Совете НАТО—Россия, Комиссии НАТО—Украина, Средиземноморском диалоге и т.д. Обращает на себя внимание положение этого документа о том, что "военные акции отдельно будут недостаточны для борьбы с террористической угрозой и что военные операции должны быть скоординированы и осуществлены в увязке с дипломатическими, экономическими, социальными, правовыми и информационными инициативами"¹. При всех надеждах на то, что включенные в данный документ скоординированные меры позволят несколько ограничить активную террористическую деятельность, следует указать на невозможность с их помощью решить кардинально проблему противодействия экстремизму

¹ *NATO's military concept for defence against terrorism. NATO. — International Military Staff. Issues. — Updated: 15-Dec-2003.*

исламского толка — диверсия на испанских вокзалах, например, была совершена уже после начала практического использования указанной Концепции. Указанная диверсия свидетельствует о том, что несмотря на провозглашение политики широкого международного сотрудничества, эта борьба до сих пор является уделом в основном самой страны проведения или угрозы актов террора. Кроме того, не изжита некая градация отношения к боевикам в соответствии с направленностью их операций против той или иной страны. Относительно России, в частности, за рубежом, особенно в ряде старых и новых членов ЕС, формируется мнение, которое при всех отсылках к высоким идеалам гуманизма на практике оказывает моральную и иную поддержку террористической деятельности. Без отказа от такой избирательности в оценке борьбы с терроризмом, без формирования глобальной системы взаимного сотрудничества, основанной на приоритете такой борьбы сравнительно с другими аспектами межгосударственных отношений, противодействие экстремизму мусульманского образца не выйдет за рамки разрозненных и малоэффективных попыток на национальном уровне, что явно недостаточно для устранения или хотя бы ограничения рассматриваемого явления глобального порядка.

Интернационализация массового терроризма выдвинула перед мировым сообществом еще одну, в данном случае международно-правовую проблему. Дело в том, что его акции уже имеют все признаки агрессии, прежде всего вследствие крупномасштабных операций по нарушению национального суверенитета США, России, ряда исламских и других стран. Однако все существующие определения агрессии, начиная с первичных положений Вестфальского мира 1648 г. и до документов Лиги Наций 1933 г. и решений 29-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 1974 г., базируются на принципе применения военной силы одного государства против суверенитета, территориальной целостности или политической независимости другого государства или народа. Даже, пожалуй, в наиболее обстоятельном исследовании правовых аспектов борьбы против современного терроризма, которое проведено сотрудником Центра им. Маршалла Майклом Н. Шмиттом, понятие агрессии фактически связывается с государством и практически не используется в отношении "Аль-Каиды", а борьба США против нее обосновывается

не противодействием агрессии, а "необходимой обороной"¹. То есть отсутствие самого государства-агрессора не позволяет определить в качестве актов агрессии и наиболее масштабные примеры всеохватывающего наступления исламского терроризма на политические и экономические устои ряда государств, что снижает действенность усилий по противодействию наступления экстремизма. Реальная же ситуация заключается в том, что фактически — это нападение или непосредственно извне (как в США или Испании), или снабжаемое финансовыми и людскими ресурсами, оружием со стороны внешних сил (как в России, в апреле 2004 г. в Малайзии и т.д.) Иными словами, и в этом случае имеется нарушение государственных границ указанных стран, что в традиционной трактовке международного права является важнейшим признаком агрессии. Признание этого факта требует скорейшей разработки обеспечения новой международно — правовой трактовки борьбы с интернационализированным терроризмом, в том числе и путем уточнения самого понятия агрессивных действий.²

В заключение необходимо подчеркнуть, что все меры со стороны неисламских стран способны лишь ограничить, а не решить проблему терроризма с мусульманской окраской. Схождение его с исторической арены возможно только при сочетании внешнего воздействия с последовательным противодействием экстремизму в самом исламском мире. Тот же опыт навязывания народам Ирака и Афганистана угодных только США национальных деятелей показывает ошибочность надежд на экспорт "западных" ценностей в мусульманскую среду. Мировому сообществу требуется разработка длительной стратегии равноправного и взвешенного сотрудничества со всем ареалом динамизирующегося ислама, учета его традиций и ментальности, нахождение точек соприкосновения по основным проблемам

¹ *Н. Шмитт Майкл*. Борьба с терроризмом и применение силы с точки зрения международного права. — Европейский центр по изучению вопросов безопасности им. Д.К. Маршалла. Русское изд. — 2002 г., — 140 с.

² В этой связи привлекает внимание следующий вывод, сделанный зам. министра иностранных дел России А. Сафоновым: "Не являясь государством, не имея территории, централизованной иерархии и управленческой структуры, не имея границ и концентрированной материально-технической и финансовой инфраструктуры, тем не менее Усама бен Ладен и его "база" осуществляют все функции государства-агрессора, государства-террориста". См. А. Сафонов. Необходима глобальная система противодействия терроризму. *Международная жизнь*. — 2003. — №1. — С. 34.

геополитики и геоэкономики. Решающее значение в изменении современной конфронтационной ситуации будет принадлежать реалистически мыслящим государственным деятелям и духовным лидерам самих мусульманских государств, которым остальной мир должен оказать необходимую поддержку и помощь, включая меры экономического и политического характера.

Приоритет ориентации на сотрудничество с теми силами в исламских странах, которые способны сами справиться с политическими и экономическими угрозами терроризма, пока еще уступает доминирующей на Западе политике решения этой проблемы военными методами. Среди немногих разработок такого плана обращает на себя внимание только вывод сотрудника МИД ФРГ Вольфганга фон Эрффа о необходимости "определить концепцию сотрудничества с мусульманским миром, которая охватила бы весь спектр проблем и пыталась бы найти консенсус"¹.

В то же время без перенесения центра тяжести борьбы с терроризмом исламской окраски с чисто военных форм на путь совместных действий с широким кругом представителей исламского мира нельзя ожидать успеха в ликвидации этой новой угрозы глобального масштаба.

Ю. Павленко,

доктор философских наук, доцент

НАУЧНАЯ НОВИЗНА В АВТОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 2003 г.

В вышедшей в начале этого года (датированной 2002 г.) книге "История мировой цивилизации. Философский анализ" впервые за последние полвека, после выхода фундаментального 12-томного "Исследования истории" А. Дж. Тойнби, была предпринята попытка с определенных, базирующихся на опыте

¹ *Вольфганг фон Эрффа*. Террористический интернационал. Internationale Politik. Новая германская внешняя политика (русскоязычная версия издания). — 2003. — №5. Нельзя, однако, согласиться с формулой автора — "Разоружить исламизм при помощи ислама", которая имеет чисто лозунговый характер. Речь может идти не о каком-то "всеобщем (в том числе и политическом, и идеологическом, и ментальном) разоружении", а о победе самих прогрессивных сил в мусульманском мире над теми террористическими движениями, которые стремятся использовать исламское вероучение для достижения собственных экстремистских целей